

Ю.В. Синеокая

**СПОР О ВЕРЕ, КУЛЬТУРЕ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ
(«Переписка из двух углов» Вячеслава Иванова
и Михаила Гершензона)**

Синеокая Юлия Владимовна – доктор философских наук, заведующий сектором. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12 стр. 1; e-mail: juliasineokaya@yahoo.com

Статья посвящена анализу одного из важнейших документов культуры начала XX века – «Переписке их двух углов» Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона. В 12 письмах, изданных в виде небольшой книги в 1921 году петербургским издательством «Алконост», речь идет о кризисе гуманизма, переоценке ценностей европейской интеллектуальной традиции, смысле жизни, вере и морали. XX век, начавшийся войнами и революциями, поставил перед интеллектуалами задачу преодоления разрыва между культурным сознанием и личной волей. Европейские и отечественные мыслители заговорили о мертвящей отвлеченности и системности классической культуры, приведшей к войне как своему логическому завершению. Несмотря на несхожесть путей разрешения антиномии творческой свободы и культурной традиции, и Иванов, и Гершензон едины в самом видении вопроса. Культура для них – феномен, нуждающийся в оправдании: моральном, социальном, эстетическом, но главное – религиозном. На Западе эту проблему впервые поднял Ницше. В России же она стала одним из центральных вопросов философской мысли в эпоху русского религиозного ренессанса на рубеже XIX–XX веков. Оптимистическое отношение к культурному наследию Вячеслава Иванова опирается на религиозную веру. Михаил Гершензон отстаивал свободу индивидуального творчества, выступая против автоматического преклонения перед тысячелетней культурной традицией, фальсифицирующей жизнь. Для Гершензона основа построения «подлинной культуры» – самобытная личность. Автор статьи обращается к истории дружбы поэта-философа и историка русской общественной мысли, анализирует эволюцию мировоззрений каждого из них, описывает духовную и социально-историческую атмосферу, в которой были созданы и опубликованы знаменитые 12 писем, а также дает панорамный обзор публичной полемики, разгоревшейся среди современников после выхода из печати «Переписки».

Ключевые слова: кризис культуры, гуманизм, нигилизм, религиозная вера, переоценка ценностей, мораль, русский религиозный ренессанс начала XX века, революция, дружба, диалог

«Переписка из двух углов» – небольшая книга, составленная из 12 писем о «последних вопросах бытия»: о Боге, культуре, связи интеллектуального наследия с жизнью. Эта переписка, состоявшаяся в жаркой Москве летом 1920 года, удивительный опыт диалога вне времени, вне места действия, вне поколенческой моды, свидетельство уникального опыта дружбы маститого историка отечественной общественной мысли Михаила Осиповича Гершензона и поэта-философа Вячеслава Ивановича Иванова, признанного современниками ключевой фигурой Серебряного века русской культуры.

Знаменитый диспут, который кратко можно обозначить как «религиозный мистицизм versus культурный нигилизм», стал возможен благодаря многолетней дружбе-согласию, дружбе-спору. Настоящая дружба – редкий дар. Она подобна «двери, распахнутой в метафизический опыт человека» (Франсуа Фейде)¹. Понять и верно выразить себя, прийти к себе возможно лишь благодаря другому: «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен», – писал Осип Манделъштам о такой дружбе.

Дружба, воспетая Аристотелем, Цицероном, Монтенем, Гельдерлином, Лессингом, Ницше, – та «Души высокая свобода, / Что дружбою наречена» (Анна Ахматова) – одна из основополагающих ценностей европейской культурной традиции. Серебряный век в России был эпохой классической дружбы. Делить с другом мысли и смыслы, свое восхищение миром, ощущать общность, складывающуюся из споров, столкновения мироощущений, – вот смысл дружеской сплоченности: «Есть между нами похвала без лести / И дружба есть в упор, без фарисейства» (Осип Манделъштам).

Истинная дружба противоположна тотальному единомыслию. В сообществах, где царит одно мнение на всех, людям не о чем говорить, нечего обсуждать. Талант дискуссии, диалога, в котором собеседника слушают и чутко слышат, понимают и принимают инаковость другого, составляет сущность дружбы. Ханна Арендт писала, что основой дружбы для древних греков была беседа, обсуждение. «Иного образа для открытости другому, для совместного переживания смысла, чем речь и слушание, античность не знала»². Именно о таком духовном средстве со своим товарищем – «совопросником» и оппонентом – и говорит в «Переписке» Вячеслав Иванов: «Ничем лучшим не могут одарить друг друга люди, чем уверяющим ясноведанием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания. Одного надлежит остерегаться: как бы не придать этим сообщениям, этим признаниям характер принудительности, т. е. не обратить их в достойные рассудка. Последний принудителен по своей природе; дух же дышит, где хочет. Духовными должны быть слова-символы о внутреннем опыте личности и во истину чадами свободы. Как песня поэта не принуждает, но движет, так и они двигать должны дух слушающих, а не подчинять их убеждение, подобно доказанной теореме»³.

Дружба – это еще и высшая форма общественной солидарности, что становится особенно очевидным во времена социальных катаклизмов. «Добровольная свободная связь людей, избирательная, основанная на взаимной любви; искренний и прочный союз, не predetermined ни биологически (как кровное родство), ни утилитарно, часто (и справедливо) противопоставляющий себя всем другим формам общности, социальности и, тем не менее, остающийся горизонтом (о недостижимости которого

¹ *Fédier F. Voix de l'ami. P. 2007. P. 14.*

² *Арендт Х. Люди в темные времена. М., 2003. С. 35.*

³ *Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов // Гершензон М. Избранное: в 4 т. Т. 4. М.; Иерусалим, 2000. С. 23–24.*

охотно говорят) для всех этих форм»⁴, – замечает Ольга Седакова. Такое понимание дружбы исчерпывающе точно описывает отношения Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона.

Тексту «Переписки» без малого сто лет, однако это книга сегодняшнего дня, сила новизны которой не убывает. Она не может устареть, как не может прерваться со сменой поколений поиск смысла жизни, как не может стать вдохновляющей ветхая обыденность, какими бы новыми санкциями или сменами парадигм ее ни пытались бы реанимировать.

Документ умонастроения эпохи

В минувшем столетии о культуре много говорили и спорили. «Лабиринт вавилонской библиотеки», «Сад расходящихся тропок», «Лестница Эроса», «Бесконечный тупик» – разные имена давал культуре XX век. Наиболее обсуждаемый вопрос о живительном духе культуры для жизни, о том, можно ли с культурными идеалами жить, а что еще важнее – можно ли с ними умирать, – становится роковым в переломные эпохи крупных общественных потрясений. Это случается, когда рушатся, казалось бы, навеки неизблемые, привычные и уютные идеалы, жизнь становится пластичной, «нелогичной» и «открытой» для игры случая, когда слабеют скрепы повседневности, ниспровергаются кумиры и меркнут авторитеты – начинается переоценка ценностей.

Хайдеггер утверждал, что не человек обладает свободой, а свобода обладает человеком таким удивительным образом, что только она и ставит его в связь со всем сущим. Подтверждением верности этой интуиции служит диалог Иванова и Гершензона, состоявшийся в таких условиях, когда само сохранение мыслительной свободы и верности своим исканиям, в ситуации исторических и личных катастроф, было духовным подвигом.

Будучи свидетельством смены культурных парадигм, «Переписка» отразила ломку связи культурной традиции с современностью, воссоздание которой было целью творчества деятелей Серебряного века, зафиксировала гибель мира, бывшего миром ее авторов по праву и по рождению. И хотя в книге нет ни одного прямого указания на страшные события тех лет (обсуждаются отвлеченные, общие вопросы), «Переписка» – опыт осмысления действительности прежде всего. Даже если не знать год и место появления книги, чувствуется, что она – создание эры великих потрясений: политических, экономических и духовных, времени, отмеченного кризисом сознания. В эти годы теоретические выводы и оценки легко оборачивались практическими последствиями, способны были породить дело. Как писал о тех годах современник, «время сейчас такое страшное, когда жизнь стала удивительно восприимчивой, податливой, пластичной: мощные связи рассыпались, обнажились новые пласты, из которых можно вылепить новые формы. Все смешалось и ползет, течет, смутное, хаотичное»⁵.

Война и революция начала прошлого века, подобно всем народным катаклизмам, всколыхнули как стремление к разрушению, так и волю к сохранению традиций. Противоборство этих двух сил проявилось в споре о ценностях и оправдании культуры, традиционно сопутствующем временам великих потрясений. О крушении культуры в то время писали практически

⁴ Седакова О.А. Европейская традиция дружбы // Седакова О.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4: *Moralia*. М., 2010. С. 65–66.

⁵ Шлёцер Б. Русский спор о культуре // *Соврем. зап.* 1922. № 11. С. 197.

все – однако осмыслить и зафиксировать в памяти поколений опыт глобальных перемен, угадать в мороке своего времени смысл истории, узнать и облечь в слова ставшие вдруг очевидными ответы на «вечные вопросы» жизни – было и остается по сей день редкой творческой удачей.

Трагическое чувство пресыщенности культурой, разочарование от бессилия перед разразившейся жизненной катастрофой, растерянность, вызванная тем, что привычные ценности превратились в бесполезные костыли, – очень точно передал очевидец появления на свет знаменитых 12 писем Владислав Ходасевич. Написанное им в 1924 году стихотворение «Хранилище», носящее красноречивый подзаголовок «Здравница (из московских воспоминаний)», на мой взгляд, могло бы стать неплохим эпиграфом к позиции подавляющего большинства российских интеллектуалов 1920-х годов, выразителем которой в «Переписке» выступил Михаил Гершензон:

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить – который раз?
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! Полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадон
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

«Я не сужу культуры, я только свидетельствую: мне душно в ней, – писал один из самых эрудированных и талантливых летописцев русской интеллектуальной истории и повседневности. – Мне мерещится, как Руссо, какое-то блаженное состояние – полной свободы и ненагруженности духа, райской беспечности. Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит. Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и предков; оно со-блазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его бесспорность леденит мою душу»⁶, – объяснял товарищу свое умонастроение Михаил Гершензон.

Вячеслав Иванов в своих письмах, пытаясь понять переживания друга, не только ставил диагноз своему времени, но пытался наметить пути выхода из разразившегося кризиса: «То умонастроение, какое вами в настоящее время так мучительно владеет, – обостренное чувство непомерной тяготы влекомого нами культурного наследия, – существенно проистекает из переживания культуры не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений. Не удивительно: ведь культура именно и стремилась к тому, чтобы стать системой принуждений. Для меня же она – лестница Эроса и иерархия благоговений. И так много вокруг меня вещей и лиц, внушающих мне благоговение, от человека и орудий его, и великого труда его, и поруган-

⁶ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 23–24.

ного достоинства его, до минерала, – что мне сладостно тонуть в Боге. Ибо благоговения мои свободны, – ни одно не обязательно, и каждое открыто и доступно, и каждое осчастлиливает мой дух»⁷.

Мнения и суждения «компактного большинства»

Уже первые отклики на книгу Иванова и Гершензона задали полемический тон ее обсуждению. Марина Цветаева выразила общий настрой оппозиционной революционным изменениям российской интеллектуальной элиты: «Когда читаешь “Переписку” Вячеслава Иванова с Гершензоном, этот аристократизм, эта незыблемость ивановской мысли становятся вполне очевидными. Гершензон вьется, змеится, бьется вокруг нее, всячески подкапывается, но внутрь не проникает. Кроме того, не ясно ли, что в этой книге мелодия дана и все время ведется Вячеславом Ивановым, Гершензону же остается только аккомпанемент, да и то по нотам Шестова»⁸.

Подавляющее большинство воодушевленных революцией соотечественников, считавших, что они идут «в ногу с историей», напротив, поддержало Михаила Гершензона в его критике классической парадигмы культуры. Один из ведущих литературных критиков пореволюционной Советской России, Евгений Лундберг, работавший в 1920-х годах в Берлине и одним из первых прочитавший «Переписку» во втором, берлинском издании, писал: «В словах Гершензона знаменательна воля к полному освобождению от заслуг и знаний вчерашнего дня. Ничего, ничего, – только легко вздохнувшее освобожденное я. Этой воле Гершензона к освобождению от культуры и преемственности В. Иванов противопоставляет свой скепсис – скепсис учившегося человека. Преемственность нам не навязана извне условиями, говорит он, она не от европейской культуры, – она в нас, иначе мы не умеем ни жить, ни думать. И искать освобождения от нее надо не в изменениях внешних условий, а в росте и превращениях духа...»⁹.

Сразу по выходу в свет «Переписка» стала предметом оживленного обсуждения в Советской России. Рецензии и критические отклики печатались как в центральных, так и в провинциальных журналах и газетах. Несмотря на широкий спектр мнений, общую тональность оценок «Переписки» в советской прессе 20-х годов наиболее ясно выражает цитата из журнала «Вестник работников искусств»: «“Переписка” поставила ребром перед переписывающимися вопрос о революции, о пролетариате как таковом, о его отношении к старой культуре... Эти два угла – два “стиля” одного и того же мировосприятия, ибо в целом оно объединено в “культуре прошлого”, но в разных подходах к ней – благоговейно-мистическом (В. Иванов) и пресыщенно-анархическом (М. Гершензон)»¹⁰.

Философия культуры Иванова получила в подавляющем числе рецензий крайне скептическую оценку. В одном из первых откликов критики были единогласны: «Иванов – реформист, самый типичный академический “культурник” и боится революции»¹¹. К Гершензону со стороны «могильщиков старо-

⁷ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 24.

⁸ Цветаева М.И. О переписке из двух углов // Благонамеренный. Журн. рус. лит. и культуры. 1926. № 11. С. 33.

⁹ Лундберг Е.Г. К кризису культуры // Накануне: Лит. прил. 11.06.1922. № 7 (62). С. 11.

¹⁰ Фамарин К. В. Иванов и М. Гершензон – «Переписка из двух углов» // Вестн. работников искусств. 1921. № 10–11. С. 130.

¹¹ Там же.

го мира» было проявлено больше снисходительности: «Гершензон подошел к грани – шаг вперед, и этот шаг логически должен стать революционным по отношению к старым богам и культуре... Движения назад не существует, и путь от сомнений Гершензона не к Руссо, а к Ленину»¹².

Вскоре после издания «Переписки» в среде отечественной интеллигенции, не эмигрировавшей из советской страны, прозвучали голоса, обвинявшие Иванова и Гершензона в забвении «тревог дня», «уединенном времяпровождении за разговорами на выспренные темы», а также в том, что «предмет их беседы совершенно оторван от жизни». Один из критиков даже уподобил писателей героям «Декамерона», удалившимся в прекрасный сад из царства чумы¹³. Однако большинство авторов рецензий как в советской, так и в зарубежной прессе 20-х годов подчеркивали ее актуальность и были едины во мнении, что «переписка касается очень близко настоящей минуты, очень животрепещуща и насущно нужна»¹⁴.

Диалог Иванова и Гершензона получил широкое международное признание. Большой резонанс эти 12 писем вызвали у таких видных мыслителей XX века, как Хосе Ортега-и-Гассет, Мартин Бубер, Габриэль Марсель, Иссая Берлин, Томас Элиот. После перевода и опубликования «Переписки» на Западе¹⁵ она породила целый пласт критической литературы, посвященной ее интерпретации.

Два угла одного квадрата

Книга Иванова и Гершензона интересна формой изложения авторами своих взглядов. «Переписка» – не плод литературного гурманства – художественный прием или инсценировка. Это действительно переписка из двух сторон одной комнаты, которой предшествовали беседы двух друзей, выявившие их взаимные расхождения.

Иванов первым ощутил потребность зафиксировать и систематизировать разгоравшуюся полемику. Гершензон не сразу, но ответил на письмо друга. Они обменялись шестью письмами, составившими впоследствии текст книги. В письме к Льву Шестову от 26 июня 1922 года Михаил Гершензон описал подробности публикации «Переписки»: «Начал переписку он (В.И. Иванов. – Ю.С.), и старался понуждать меня ответить ему письменно. Мне было

¹² Фамарин К. В. Иванов и М. Гершензон – «Переписка из двух углов». С. 131.

¹³ Коган П. Переписка из двух углов // Печать и революция. 1921. № 3. С. 223.

¹⁴ Кузьмин М. Мечтатели // Жизнь искусства. 29.07.1921. № 764. С. 4.

¹⁵ В 1926 Мартин Бубер поместил немецкий перевод «Переписки» в редактируемом им журнале *Die Kreatur* (Heft 2). Позже немецкоязычные переиздания «Переписки» появлялись трижды в 1946 (*Siegel-Verlag*, Frankfurt), в 1948 (*Ernst Klett*, Stuttgart) и в 1949 (*Herder*, Wien). На французском переписка увидела свет в 1930 в журнале *Vigile* (No. 4), издаваемом Шарлем Дю Бос. А год спустя она вышла во Франции отдельным изданием с предисловием Габриэля Марселя и приложением в виде письма В. Иванова к Ш. дю Бос (Paris: Editions Roberto Correa, 1931), затем в 1979 было опубликовано новое французское издание (*Age d'Homme*, Lausanne). Итальянская версия «Переписки» (*Lanciano*, R. Caraabba. «Cult. dell'Anima») появилась в 1932, переиздана в 1976 с предисловием А. Руднева (*Casa di Matriona*, Milano). В 1933 Ортега-и-Гассет напечатал испанский вариант в *Revista de Occidente* (NN 117, 118). В 1940-е годы диалог Иванова и Гершензона открыл для себя англоязычный мир (см.: Messa. *Aurora*, N.Y. 1947, No. 3; *Partisan Review*, N.Y. 1948, No. 9). В 1966 с предисловием Исаяи Берлина «Переписка» вошла в антологию *Russian Intellectual History*. Последнее английское издание «Переписки» вышло в 1981 (*Malboro*). В 1943 «Переписка» была издана на иврите в Тель-Авиве, а в 1945 на фламандском языке (*De Kinkhoren*, Bruges and Brusseles). Позже «Переписка» была переведена также на славянские языки.

неприятно, потому что в этом есть театральность, и я был очень слаб – не было никакой охоты писать. Но он мучил меня до тех пор, пока я не написал. Потом все время он отвечал тотчас, а я тянул ответ по многу дней, и он пилил меня; а мне не писалось... По моему настоянию и прервали на 6-ой паре; он хотел, чтобы была “книга”. А тут у него завертелось: Вера Константиновна умирала; нам не пришлось даже сряду перечитать наши листки разного цвета и формата (бумаги тогда нельзя было достать, писали на клочках), ему – потому что было не до того, а я не мог исправлять свои писания, раз он не исправляет и не учит мой поправкам. Так и сдали издателю (чтобы получить гроши гонорара) неперечтенные черновики. Корректуру мне прислали, когда В.И. был уже в Баку, и я потому же ни йоты не мог изменить»¹⁶.

Летом 1920 года Иванов и Гершензон волей случая оказались в одной комнате московской здравницы для работников науки и культуры. В голодные постреволюционные годы советское правительство устраивало санатории – «здравницы для переутомленных работников умственного труда», где писатели и ученые, чьи силы были на исходе, получали возможность в течение недолгого времени немного отдохнуть и заняться творчеством. В одной из таких московских здравниц, в белом двухэтажном доме по 3-му Неопалимовскому переулку, между улицей Плющихой и Смоленским рынком, и состоялся знаменитый спор. Гершензон в одном из писем к Иванову мимоходом, но емко зафиксировал бытовые обстоятельства, в которых велась переписка: «...по воле судьбы, велением культуры,.. сижу в здравнице, в душевной комнате с окнами в стену, пью противную переваренную воду и отгоняю многочисленных мух...»¹⁷. Спустя несколько лет, в письме к Льву Шестову Гершензон вспоминал: «...это была тесная, грязная, без малейшего комфорта и с плохой едой (однако много лучше домашней, которая тогда была – голод) здравница... Грязно, душно, тучи мух, ночью шаги в коридоре к уборной, на окне занавески нет, матрац – как доска, – и духота...»¹⁸.

В сборнике своих мемуаров Владимир Ходасевич, тем же летом состоявший пансионером здравницы, оставил зарисовку «двух углов» комнаты, в которой отдыхали оба писателя: «Мне посчастливилось: отвели отдельную комнату. Гершензон с Вяч. Ивановым жили вместе. В их комнате, влево от двери, стояла кровать Гершензона, рядом небольшой столик. В противоположном углу (по диагонали), возле окна, находились кровать и стол Вяч. Иванова. В углу мятежного Гершензона царил опрятный порядок: чисто постланная постель, немногие, тщательно разложенные вещи на столике. У эллина Вяч. Иванова – все всклокочено, груды книг, бумаг и окурков под слоем пепла и пыли; под книгами – шляпа, на книгах – распоротый пакет табаку»¹⁹.

Из этих-то «двух углов» между ними, близкими товарищами, однако людьми, далекими друг от друга по духовному опыту и тону мышления, завязалась «Переписка», длившаяся с 17 июня по 19 июля 1920 года.

Полемика Иванова и Гершензона, зафиксированная в «Переписке», имеет свою предысторию²⁰. Писателей связывала давняя дружба, начало которой было положено еще в 1908 году, когда они вместе сотрудничали в журнале «Литературное обозрение». Лето 1911 года, проведенное вместе на взморье в

¹⁶ Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920–1925) // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1991. С. 262–263.

¹⁷ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 42.

¹⁸ Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920–1925). С. 261.

¹⁹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 270.

²⁰ См.: Проскурина В. Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон. На пути к «Переписке из двух углов» // Cahiers du Monde Russe. 1994. Vol. XXXV. No 1. С. 377–392.

местечке Силламяги, укрепило знакомство, а после переезда семьи Иванова из Петербурга в Москву (1913), где жил Гершензон, их общение приобрело регулярный характер. Иванов посвятил своему другу стихотворение, в котором Гершензон ассоциируется у поэта с понятием «совесть»:

Совесть

М.О. Гершензону

Когда отрадных с вами встреч
В душе восстанавливаю повесть
И слышу, мнится, вашу речь, –
Меня допрашивает Совесть:

«Ты за день сделал ли, что мог?
Был добр, и зряч? Правдив, и целен?
А чист ли был, скажи, твой слог?
И просто, друг: ты был ли делен?»

То Совесть мне... А вот пример
И ваших (мнимых) слов поэту:
«Признайтесь, Пушкин – (старовер!) –
Одобрил бы строку – хоть эту?»

Еще б!.. А, впрочем, помолчу.
Кто – геометр; кому – быть зодчим...
Но не в пример зоилам прочим
Все ж вам понравиться – хочу.

Прологом к спору, разгоревшемуся летом 1920 года, принято считать совместную работу Гершензона и Иванова над переводами к книге «Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты» (1915): «Два профессиональных переводчика, два классика по образованию сумели запечатлеть совершенно разные лики переводимого ими поэта... в спорах вокруг двух “полусов” Петрарки берет начало полемика позднейших лет: именно здесь гармоничная ивановская картина мира (мир итальянских сонетов Петрарки) столкнулась с дисгармоничной, мрачной, подточенной бесконечной рефлексией картиной мира Гершензона (мир лишенной античной ясности латинской прозы итальянского поэта)²¹».

Незадолго до появления «Переписки» оба писателя уже озвучили свои взгляды на современное состояние европейской культуры. Однако первоначально идеи, составившие ядро знаменитых писем-эссе, были обличены в более привычный жанр академического монолога: Гершензон выступил в марте 1917 года в Киеве с публичной лекцией «Кризис современной культуры», а Иванов в 1919 году написал небольшой очерк «Кручи – о кризисе гуманизма» с подзаголовком «К морфологии современной культуры и психологии современности». Позиции авторов оказались схожими. Размышляя о кризисе европейской цивилизации, оба писателя обвиняли человеческий разум в захвате единовластия и «узурпации права целостного духа».

Если же поставить вопрос о предыстории «Переписки» шире и обратиться к становлению миросозерцаний участников знаменитой полемики, то станет очевидным, что круг проблем, обсуждаемых летом 1920 года, имел существенное значение для каждого из них на протяжении всей жизни.

²¹ *Проскураина В.* Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон. На пути к «Переписке из двух углов». С. 381.

Творчество Иванова неотделимо от его веры и удивительно органично. Религиозный опыт, логика мысли и интуиции, присущие поэту, шаг за шагом неуклонно вели его к жизненному кредо, провозглашенному летом 1920 года. Известный русский богослов Флоровский, из эмиграции откликнувшийся на издание «Переписки» серьезной критической статьей в пражском ежемесячнике «Русская мысль», с несвойственной его суровой манере торжественностью характеризовал мироощущение Иванова как церковно-христианское: «В утверждениях Вяч. Иванова явно чувствуются новые достижения на том пути, по которому давно уже шествует русская религиозная мысль»²².

Поэтическое и философское наследие Иванова, равно как и его публицистические статьи, предшествовавшие «Переписке», составляют единый смысловой и тематический блок. То же верно и для позднего этапа жизни поэта. В последовавшие за «Перепиской» годы Иванов также остался верен идеям, отстаиваемым им в полемике с другом, – следуя им как в своем рукописном творчестве, так и в жизненных поступках.

Подводя итог прожитому и пережитому, Иванов рассматривал свой отъезд из пореволюционной России и присоединение к католической церкви как доказательства верности однажды избранному им в молодые годы и провозглашенному в «Переписке» пути: «Дело пролетариата – лишь повод или метод; реальная цель в том, чтобы заглушить Бога, вырвать его из человеческих сердец. Пусть каждый становится на сторону одного из двух, между собою воюющих градов!». И далее: «Соединение с католической церковью... должно было стать безусловным ответом на вопрос, который Революция поставила нашей совести: – “Ты с нами или с Богом?”»²³.

Бунт против культуры и культ духовного служения

Пolemика в 12 письмах вошла в историю европейской мысли как своеобразное возобновление в постреволюционной России векового спора между реалистами и номиналистами. Русская мысль традиционно обращена к вопросу о значении культуры. В ней видели то результат сознательных усилий по созданию всеобщего счастья на земле, то собрание духовных ценностей, сформулированных ушедшими поколениями, то воплощение христианского идеала в истории. «Переписка» подвела итог многолетнему спору интеллигенции о смысле и роли культуры, отразив основную оппозицию, указывающую водораздел между «устремлением к thesaurus» (аргументация Иванова) и жаждой *tabula rasa* (позиция, утверждаемая Гершензоном). Так был вычеканен символ двух культурных парадигм, завладевший воображением нескольких поколений.

Несмотря на несхожесть путей разрешения антиномии творческой свободы и культурной традиции, оба оппонента были едины в самом видении вопроса. Культура для них – феномен, нуждающийся не только в объяснении (как это традиционно было), но и в оправдании: моральном, социальном, эстетическом, но главное – религиозном. На Западе эту проблему впервые поднял Ницше. В России же она стала одним из центральных вопросов философской мысли в эпоху русского религиозного ренессанса на рубеже XIX–XX веков. Спор о культуре обернулся спором о Боге, смысле жизни,

²² Флоровский Г. В мире исканий и блужданий. Знаменательный спор // Рус. мысль. 1922. № 4. С. 139.

²³ Иванов Вяч. Письмо к Дю Босу // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 425.

откровениями собеседников о своем личном религиозном опыте. «Знаю, дорогой друг мой и сосед по углу нашей общей комнаты, что вы усомнились в личном бессмертии и в личном Боге», – написал 17 июня 1920 года Вячеслав Иванов отправившемуся на прогулку товарищу. Целью его первого письма стала попытка поддержать, утешить друга рассказом о своем собственном духовном опыте возрождения. Для Иванова условием личного бессмертия являлось не рождение в этот мир, что само по себе настоящее чудо, а возможность религиозного перерождения, животворящий опыт веры: «Ясно вижу, что не найти мне в моей мнимой личности и ее многообразных выражениях ни одного атома подобного хотя бы только зародышу самостоятельного истинного (т. е. вечного) бытия. Я – семя, умершее в земле; но смерть семени – условие его оживления. Бог меня воскресит, потому что Он со мною»²⁴. Смерть в Боге, т. е. перерождение личности, и есть вожделенное освобождение: «Умойся ключевой водой – и сгори. Это возможно всегда, в любое утро повседневно пробуждающегося духа»²⁵, – ободряет он друга.

Вера в Бога для Иванова не только источник преодоления страха смерти, но и основание его примирения с жизнью в ее временности и хрупкости, условие абсолютного принятия им здешнего нашего существования, каким бы мучительным и трагичным оно ни оказалось. Поэт убежден, что вера трансцендентна культуре и не является культурным феноменом.

Оптимистическое отношение к культурному наследию Вячеслава Иванова опирается на его веру в смысл жизни, силу человеческого творчества. В его письмах слышен отзвук идей Чаадаева о том, что творчество не зависит от существующих на том или ином отрезке истории социальных, экономических и политических реалий, поскольку личность при любых обстоятельствах может найти вдохновение для культурного созидания.

Эта уверенность, с одной стороны, давала Вячеславу Иванову ощущение принадлежности к Истории, а с другой, позволяла увидеть в социалистической революции условие для создания новых эстетических и культурных форм. Катастрофа не нарушила в нем гармонию, поэт сохранил цельность своего мирозерцания, поскольку оправдание и принятие им духовного наследия основывалось на вере в религиозный смысл культуры. А высший смысл истории для поэта был воплощен в божественной воле.

Михаил Гершензон, напротив, воспевал нигилистический бунт против омертвевших культурных форм. Его письма к другу – призыв сбросить с плеч непомерную тяжесть тысячелетней культурной традиции, которая калечит и фальсифицирует жизнь, подменяя истинное познание мертвящим наследием бесплодных понятий и оценок. Свой бунт против культуры Гершензон объяснял распадом личных и социальных скреп, разочарованием в спасительности европейской формы культуры. Гершензон полагал, что XX век, начавшийся войнами и революциями, идет к признанию всеобщности разрыва между культурным сознанием и личной волей, к отрицанию ценностей европейской культуры, с ее мертвящей отвлеченностью и системностью. Культура, приведшая к войне как своему логическому завершению и не нашедшая в себе силы обновиться, а, напротив, готовящая новые столкновения, должна быть преодолена.

Признанный исследователь интеллектуальной истории России, проделавший огромную работу по анализу и объяснению феномена русской интеллигенции, Михаил Гершензон был глубоко потрясен тем, что револю-

²⁴ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 22.

²⁵ Там же. С. 24.

ция 1917 года, которая во многом явилась результатом более чем вековых усилий именно отечественных интеллигентов, завершилась победой наиболее враждебных интеллигенции идеалов, надежд и традиций.

Обозначенное в «Переписке» жизненное кредо Иванова, безусловно, свидетельствовало о преемственности его идей. Прозвучавшие же в споре друзей суждения Гершензона и его аргументация знаменовали новый поворот исканий летописца мирозерцания русской интеллигенции. Ощущение неистинности и «неподлинности» культуры так мучительно тяготило душу этого блестящего историографа российской мысли XIX века, посвятившего свою жизнь и талант воскрешению прошлого, что он начал мечтать о том, чтобы утопить в реке забвения «как досадное бремя» груз умственных достояний человечества, память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии и «выйти на берег нагим, легким и радостным, как первый человек»²⁶.

Весьма неожиданно и потому не совсем понятно для читателей прозвучали из уст «одного из самых проникновенных и памятливых исследователей истории и литературы» (Вячеслав Иванов) мечты об освобождении от гнета философских систем, знаний и искусства. Более того, Гершензон отказывал в доверии разуму на том основании, что он сам продукт культуры и «поклоняется ей, как бездарный раб – возвысившему его господину»²⁷.

Мировоззренческую позицию, отстаиваемую в полемике Гершензоном, объяснить непросто. Прежде всего потому, что его последующие произведения «Ключ веры» (1922) и «Гольфстрем» (1922) лишены пафоса единоборства с культурой как роковым препятствиям на пути к «истинным проявлениям человеческого духа». В чем же искать первопричину вызова, брошенного культурному созиданию талантливым ученым-историком, эрудитом, человеком, наиболее характерной чертой религиозных исканий которого было интимно-личностное переживание культуры? Как объяснить тот факт, что в споре с Ивановым, отрицая значение культуры, Гершензон «не только не стремится к упрощению, но является нам во всеоружии современной учености и с истинной любовью говорит о своих и чужих идеях»²⁸? Может быть, его восстание против культуры нельзя принимать буквально?

В «Переписке» Гершензон повел откровенный разговор о своем символе веры, личном опыте постижения божественной истины, к которому он пришел во второй половине жизни. 11 апреля 1921 года в письме к брату Гершензон писал: «...из всего, что я узнал, более всего обогатило меня пристальное и долгое изучение Ветхого Завета. Это – сверх-университет, сверх-знание, сверх-философия. Но нужно, правда, долго вглядываться и, может быть, нужна такая предварительная подготовка знания и мышления, какая уже была у меня»²⁹. Описания русского общества и его героев уступили место в творчестве Гершензона размышлению о главном, об отношениях человека и Бога.

Лев Шестов, автор очерка «О вечной книге», в котором речь идет и о «Переписке», приветствовал в лице Гершензона бунтовщика культуры, желавшего вырваться из-под власти «вечных истин» и посвятившего свой талант «поиску Бога» не там, где принято искать истину – у ученых, философов и моралистов, а в библейском иррационализме. В Библии сказано: «От

²⁶ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 23.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Шестов Л. О вечной книге. Памяти М. Гершензона // Шестов Л. Умозрение и откровение. Париж, 1964. С. 18.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 746. К. 21. № 5. Л. 9 об.

всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16–17). В этих словах ключ к разгадке философии Гершензона.

Гершензон предельно откровенен со своим другом: «Мой Бог, невидимый, – не требует, не пугает, не распинает. Он – моя жизнь, мое движение, моя свобода, мое подлинное хотение, – пишет он Вячеславу Иванову, взволнованному нигилистическим тоном своего корреспондента. – Вот что я разумел, говоря вам, что жажда моя отвращается от теплых и пряных напитков современной философии, искусства, поэзии, что утолить ее может только холодная ключевая вода. А в нашем быту больше нет живой воды; все родники заключены в резервуары, их вода проведена по многоверстным трубам, и потом еще стерилизуется в очистителях, и, наконец, эта полумертвая влага подвергается городской обработке: мы пьем либо кипяченую воду, либо сложные пития всевозможных вкусов, цветов и запахов. Среди этих пышных вместилищ густой и теплой философии, горячей и ароматной поэзии можно умереть от жажды, не найдя глотка холодной воды. Простите затянувшуюся метафору: такая жара эти дни, – нигде не найти прохлады; пью, пью теплую кипяченую воду, выпил уже весь наш графин, а все не утолил жажды. Верно оттого и написалось о жажде»³⁰.

Восстание Гершензона против европейской культурной традиции явилось прежде всего следствием попытки понять ветхозаветную мудрость с позиции «эллинского» философа. С того времени, как Библия стала достоянием греко-римского культурного мира, люди стремились, руководствуясь логикой разума, превратить библейского Бога в общечеловеческого, то есть лишить его тех черт, которые не соответствовали представлениям культурных людей о совершенном существе. Это вело к отрицанию истинности ветхозаветного бога, что было совершенно неприемлемо для Гершензона. Из этого обстоятельства и следовала дилемма между культурой и верой. Культура тяготеет над верой, мешая непосредственному проявлению чувств, а рефлексия искажает их и, повинувшись рациональности, ведет к своему смыслу. Этим и объясняется неприятие Гершензоном тех ценностей, о которых говорил ему Иванов. Он чувствовал, что в роковые минуты жизни все достижения мировой культуры ему не понадобятся, не о них он вспомнит в свой смертный час.

Желание Гершензона «броситься в Лету» – попытка вернуться к религии, не отягощенной эллинизмом. «Нет... не усомнился я в личном бессмертии, – писал Гершензон Иванову, – и, подобно Вам, знаю личность вместилищем подлинной реальности. Но об этих вещах... не надо ни говорить, ни думать... иначе не избегнуть той колеи, по которой движутся вкусившие от запретных плодов люди»³¹.

Полемика о ценностях и фетишах

Для Гершензона очевидно, что человеку культуры недоступен мистический опыт: его вера поражена рефлексией, искажена, бессильна. Классическая культура становилась причиной упадка жизненных сил в человеке, она вступила в схватку с инстинктом жизни, самовыражением, творческим порывом и свободой личности: «Культурное наследие» давит на личность тяжестью 60 атмосфер и больше – и иго его, в силу соблазна, есть подлинно – легкое иго; большинство совсем не чувствует его, а кто почувствует и

³⁰ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 42.

³¹ Там же. С. 23.

рванется вверх – попробуй он прорваться сквозь эту толщу! Ибо вся она – не над его головой, но в нем самом; он просто сам тяжел, и разве только крылья гения могут поднять его дух над его отяжелелым сознанием»³².

В споре с другом Михаил Гершензон отстаивал свободу индивидуального духа и непосредственность творчества, мечтал о знании, которое являлось бы личным, добытым из собственного опыта открытием исследователя. В покорности окаменелой традиции, утрате инициативной связи с предшествующими поколениями, бессилии исторической памяти открылась ему внутренняя закономерность становления и упадка российского и европейского культурных типов. Классическая культурная традиция исчерпала себя, бесполезно искать способы ее реанимировать, она изначально была обречена погибнуть: «Рога развились у оленя закономерно, как средство запугивания и обороны; но у иных видов они закономерно же достигли такой величины, что мешают бегу в лесах, и вид вымирает. Не то же ли и с культурой? Наши “ценности” – не те же ли рога, – сначала личное приспособление, потом всеобщее достояние рода, и, наконец, безмерно разросшаяся в роде, мучительная, гибельная для личности тяжесть и помеха?»³³.

Письма Гершензона – предупреждение об опасности. Культура заражена фетишизмом; создания личного и коллективного творчества, отделившись от породившего их человека, начинают жить самостоятельной жизнью, давая начало новым образованиям, чуждым их создателю. Культурные образования множатся помимо воли человека, а ему в этом процессе отводится лишь служебная роль. Из свободных художников люди превратились в рабов, чья деятельность определяется извне: их создания тяготеют над ними. Идеал культуры – свободная община творческих личностей – обернулся в действительности подневольным трудом работников, которые не понимают цели своих усилий.

Вслед за Ницше Гершензон выстраивает генеалогию ценностей европейской культуры и утверждает необходимость их переоценки. Все признанные «объективные» культурные ценности, убежден он, зарождаются в личности и первоначально принадлежат только ей. Любая ценность проходит три фазы: изначально она – ничто для мира, потом – воительница и, наконец, – властительница мира. «Как Наполеон в Аяччио, так и ценность свободна и правдива только в младенчестве, когда, безвестно-рожденная, она играет, растет и болеет на воле, не привлекая ничьих корыстных взоров. “Гамлет” только раз цвел всей полнотой своей правды – в Шекспире, “Сикстинская Мадонна” – в Рафаэле. Потом мир вовлекает цветущую ценность в свои житейские битвы. В мире их полнота никому не нужна. Мир почуял в ценности первородную силу, заложенную в нее ее творцом, и хочет использовать эту силу для своих нужд; его отношение к ней – корысть, а корысть всегда конкретна. Оттого в общем пользовании ценность всегда дифференцируется, разлагается на специальные силы, на частные смыслы, в которых нет ее полноты и, значит, нет ее сущности. Как дуб нужен людям не в природном своем состоянии, но распиленный на части, так ценность мила им только в дроблении ее существа, как многообразная полезность. Наконец полезность становится общепризнанной ценностью, и ее венчают на царство. Венценосная ценность холодна и жестока, а с годами и вовсе каменеет, превращается в фетиш. В ее чертах уже нет и следа той свободной и открытой силы, которою некогда дышало ее лицо... Теперь она самовластно диктует миру свои законы, не внемля личным мольбам. Что было живым и личным, в чем обращалась и пульсировала

³² Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 27.

³³ Там же. С. 42.

горячая кровь одного, то становится идолом, требующим себе в жертву такое же живое и личное, каким оно само увидело свет. Наполеон – император и картина на музейном троне – равно деспоты»³⁴.

Кроме ценностей-фетишей, Гершензон выделяет в особый класс так называемые отвлеченные ценности и указывает на фатальную неизбежность превращения отвлеченных культурных ценностей в ценности-вампиры. «Из многих “Гамлетов” и “Сикстинских Мадонн” путем отвлечения возникла общая ценность – Искусство; и так родились они все, – Собственность и Нравственность, Церковь и Религия, Национальность, Культура, и сколько, сколько еще: все из эманации лучшей крови самых горячих людских сердец. И каждая из них имеет свой культ, своих жрецов и верующих. Жрецы убежденно говорят толпе об “интересах” и “нуждах” боготворимой ценности и требуют жертв ради ее процветания. Государство жаждет мощи. Национальность – единства, Промышленность – развития и т. д.; так, призраки сами, они реально повелевают миру, и чем отвлеченнее ценность, тем она прожорливее и беспощадней. Может быть последняя война есть только невиданная гекатомба, которую несколько умопостигаемых ценностей, заключив между собою союз, совместно потребовали через своих жрецов от Европы»³⁵.

В результате Гершензон пришел к выводу, что нет и не может быть никаких абсолютных и объективных культурных ценностей на все времена. Однако он далек от анархо-утопического отрицания культуры как таковой. Антиномичность и трагизм культуры не означают отрицания смысла творчества. «Но знаю и верю, – писал Гершензон, – что возможны иное творчество и другая культура, не замуравливающие каждое познание в догмат, не высушивающие всякое благо в мумию и всякую ценность в фетиш»³⁶.

Вслед за Ницше Гершензон мечтал о новой культуре, суть которой виделась ему в том, «чтобы личное стало опять совершенно личным, и, однако, переживалось как всеобщее; чтобы человек знал во всяком своем проявлении, как Мария, заодно и свое дитя и Бога»³⁷. Идеал этот разделял и Иванов, однако пути к нему виделись ими разные.

Для Гершензона единственный залог и основа построения в будущем «подлинной культуры» – самобытная, самодовлеющая личность. Он хотел освободиться от всего, что не родилось в его собственной душе. Иванов искал опору в том же, но шел иной дорогой: истинная творческая свобода, полагал он, может быть обретена не «разрушением следов былого», а верою в Бога, «огненной смертью в духе» (Вяч. Иванов). Поэт доказывал возможность соединения культуры и внутренней свободы. Не в поглощении личности сверхличным началом, а в обретении абсолютной и всеобщей ценности в «тяжком подвиге самоотверженных исканий» – разгадка принятия культуры Ивановым.

«Огненная смерть в духе»

Существование в культуре возможно только через возврат к личности. Эта идея одинаково близка как Иванову, так и Гершензону, и перед лицом этого основного жизнеощущения разногласия друзей носят относительный характер. На этой вере было основано общее для обоих принятие бытия со всеми его антиномиями и оправдание жизни.

³⁴ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 34.

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Там же. С. 36.

³⁷ Там же.

Именуя своего оппонента «анархическим апостолом жизни» и причисляя его к лагерю современных мыслителей, противопоставивших познанию силу жизни (таких, как Ницше, Бергсон, Шпенглер), Иванов не устал подчеркивать, что позиция друга близка его собственной, что, несмотря на разногласия, внутренняя логика мысли Гершензона обязательно выведет его к отстаиваемой Ивановым истине. «Большим благом является непосредственная воля к жизни, готовность принять полностью существование, считать его даром желаннейшим и драгоценнейшим, благословлять его не только за радости, но и страдания, которые оно неизбежно приносит: это и есть та рыцарская, пусть слепая, но сыновья и героическая верность Матери Земле, какую хотел осуществить мученик трагического утверждения жизни, сирота безутешный, болезненно озлобленный потерей отца в небе – Фридрих Ницше. Ведь целостная жажда жизни сама по себе уже является, хоть и бессознательно, утверждением и прославлением бытия, а принцип бытия есть Бог»³⁸.

Защищая культурную преемственность, Иванов стремился показать Гершензону, что владеющее им чувство отягощенности духовным наследием – результат переживания культуры не как «живой сокровищницы даров», но как «системы тончайших принуждений»³⁹. Иванов отстаивает перед своим собеседником неотъемлемую ценность культурных созиданий. В своей встречной исповеди он убеждает Гершензона, что свобода бывает не первозданной, а лишь приобретенной, что от культуры некуда уйти. Независимость индивидуального духа недостижима, поскольку он сам порождение культуры и вне культуры смысла не имеет. «Избавиться» от культуры означало бы получить не свободу духа, а его отсутствие.

Сам же Иванов принимал культуру потому, что видел в ней божественное дело, вкладывал в нее абсолютный смысл. Такова же была позиция Достоевского, на которого Иванов ссылаясь, стремясь найти в нем поддержку. Своим исповеданием веры он убеждал друга, что возможно пребывание в культуре без растворения в ней. Религиозная вера – источник, через который свобода проникает в человеческое строительство – царство культуры. «Наша истинная свобода... всегда с нами, – писал Иванов, – и никакая культура у нас ее не отнимет»⁴⁰. Живому духу не опасны мертвые идолы. Верой в Бога преодолевается мертвенность «соблазна культуры»: «от факта веры нашей в абсолютное... зависит свобода внутренняя, – она же сама жизнь»⁴¹. Верующий не «растворяется» в культуре, не живет в ней «всецело», он живет в Боге и соприкосновением с абсолютным бытием преодолевает условность и ограниченность культуры. «Жизнь в Боге – воистину жизнь, то есть движение; это духовное возрастание, лестница небесная, нагорный путь»⁴². Для того, кто выбирает «нагорный путь», культура оживает, перестает быть почвой, «заваленной глыбами вековых умонастроений и систем, несметными осколками древних, старых и новых идей»⁴³.

Иванов видел религиозное начало в самой культуре, поскольку она живая память, связующая в единое историю человеческого рода. «Есть в культуре нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем лице отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не

³⁸ Иванов Вяч. Размышления об установках современного духа // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 461.

³⁹ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 24.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 28.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 29.

умирающая в тех, кто приобщился этим посвящениям!»⁴⁴. Память для поэта – начало динамическое, а забвение – усталость, перерыв движения, упадок. Подобно Ницше, Иванов видит главную опасность для творческой личности в декадентстве – омертвелой памяти, не дающей импульсов к творческой инициативе. Декаданс Вячеслав Иванов определяет как «чувство тончайшей органической связи с монументальным преданием былой высокой культуры вместе с тягостно-горделивым сознанием, что мы последние в ее ряду»⁴⁵.

Оправдывая историю и культуру, Иванов принимал не эмпирическую данность, а символы откровения, когда-то вложенный в них смысл. Мир истинных ценностей виделся ему не законченной системой. Изоляционизм индивидуальности означал для Иванова тупик, потерю чувства реальности. Иванов был убежден, что невозможно избавиться от исторической ноши с помощью бунта против идеалов и ценностей, отказом от сыновнего почтения к истории и культуре: «Напрасно сбрасывать с себя устарелые одежды, нужно скинуть ветхого Адама»⁴⁶. В человеке он видел мост, соединяющий небесный и земной миры. Главное призвание личности, по Иванову, заключено в решении основной задачи всех творческих усилий людей – «освящать тление земное вышними ценностями небесными».

Спустя десятилетие в письме к Дю Босу Иванов выстроил новую аргументацию доказательства своего главного тезиса о том, что культура, понимаемая им как «акт откровения Слова в истории»⁴⁷, – является выражением религиозной идеи, составляющей смысловое ядро и служащей оправданием культуры. «То, что теперь называют, говоря о больших циклах всемирной истории – “общая культура”, основывается на действии врожденной памяти, посредством которой Нетварная Премудрость учит человечество обращать средства вселенской разлуки – пространство, время, инертную материю – в средства единения и гармонии, и тем осуществлять предвечный замысел Бога о совершенной твари... Ослабление религиозного чувства способствует возникновению слабого подобия настоящей памяти... которая, конечно, вполне способна угнетать дух. Беспочвенная цивилизация... инстинктивно защищает от забвения, которое означает ее смерть. А беспомыслие со своей стороны пытается сорганизоваться на основании полного отрицания всякой духовности, но на самом деле лишь материалистически пародирует подлинную культуру, которая всегда есть организация духовной памяти. Итак: проповедники забвения убивают религию; а разрушители религии, в свою очередь, неизбежно являются по отношению к культуре иконокластами и фальсификаторами»⁴⁸.

Отрицая оптимизм, основанный на вере в исторический прогресс и антропологизм руссоистского типа, религиозный гуманист Иванов выбрал своим союзником нигилиста Ницше. Именно творчество Ницше, которого оппоненты попеременно призывали в «свидетели» своей правоты, дает ключ к пониманию спора. Ницше, прочитанный как религиозный писатель, стал мостом, соединившим двух богоискателей – христианина Иванова и иудея Гершензона. «Ницше, презиравший прогресс, столь почитаемый в наше время, жаждавший “трансцензуса”, несовместимого с его порывом к богоубийству, интуитивно понимал, что человека должно преодолеть, и во всеуслышанье провозглашал такое свое убеждение, несмотря на то, что был хорошим гуманистом...»⁴⁹.

⁴⁴ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. С. 32.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 28.

⁴⁷ Иванов Вяч. Письмо к Дю Босу. С. 425.

⁴⁸ Там же. С. 426.

⁴⁹ Иванов Вяч. Письмо к Александру Пеллегрини о «Docta Pietas» // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 437.

Друзья закончили спор, так ни о чем и не договорившись. Однако если бы Иванов и Гершензон решили продолжить «Переписку» спустя всего лишь пару лет (в пору появления основных философских произведений Гершензона: «Гольфстрем», «Ключ Веры», «Судьбы еврейского народа» – книг, написанных почти одновременно, все они датированы 1922 годом, и связанных единым мирозерцанием), каждому из друзей пришлось бы признать в своем недавнем оппоненте единомышленника. Безусловно, это было бы огромным облегчением и торжеством для каждого из них.

Иванов и Гершензон, в сущности, говорили об одном: открывшейся им в личном религиозном опыте истине о пагубности для культуры отрицания сверхприродной жизни, о том, что лишь признание трансцендентного бытия источником свободы и творчества благотворно как для отдельного человека, так и для культуры. Чтобы стать подлинно свободным, человеку нужно сделать труд радостным личным творчеством, преодолеть зачарованность, одержимость, отказ от духовной жизни личности во имя культуры. Подобно блаженному Августину друзья-спорщики звали к преодолению себя ради того, чтобы стать собой: «transcende te ipsum»⁵⁰.

Список литературы

Арендт Х. Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.

Гершензон М. Письма к Льву Шестову (1920–1925). Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1991. С. 237–312.

Иванов Вяч. Письмо к Александру Пеллегрини о «Docta Pietas» // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 434–435.

Иванов Вяч. Письмо к Дю Босу // Там же. С. 419–433.

Иванов Вяч. Размышления об установках современного духа // Там же. С. 453–84.

Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов // *Гершензон М.* Избранное: в 4 т. Т. 4. Тройственный образ совершенства. М.; Иерусалим, 2000. С. 22–48.

Коган П. Переписка из двух углов // Печать и революция. 1921. № 3. С. 220–225.

Кузьмин М. Мечтатели // Жизнь искусства. 29.07.1921. № 764. С. 4.

Лундберг Е.Г. К кризису культуры // Накануне: Литературное приложение. 11.06.1922. № 7 (62). С. 9–12.

Проскурина В. Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон. На пути к «Переписке из двух углов» // Cahiers du Monde Russe. 1994. Vol. XXXV. No. 1. С. 377–392.

Седакова О.А. Европейская традиция дружбы // *Седакова О.А.* Четыре тома. Т. 4: Moralia. М., 2010. С. 65–81.

Фамарин К. В. Иванов и М. Гершензон – «Переписка из двух углов» // Вестн. работников искусств. 1921. № 10–11. С. 129–134.

Флоровский Г. В мире исканий и блужданий. Знаменательный спор // Рус. мысль. 1922. № 4. С. 137–141.

Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1997. 744 с.

Цветаева М.И. О переписке из двух углов // Благонамеренный. Журн. рус. лит. и культуры. 1926. № 11. С. 3–35.

Шестов Л. О вечной книге. Памяти М. Гершензона // *Шестов Л.* Умозрение и откровение. Париж, 1964. С. 13–21.

Шлёцер Б. Русский спор о культуре // Соврем. зап. 1922. № 11. С. 194–203.

Fédier F. Voix de l'ami. Paris: Editions du Grand Est, 2007. 38 p.

⁵⁰ Превзойди самого себя (лат.).

A dispute on belief, culture and the meaning of life
(A correspondence from two corners by Vyacheslav Ivanov and Mikhail Gershenzon)

Julia Sineokaya

DSc in Philosophy, Head of the Department. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: juliasineokaya@yahoo.com

This article is devoted to one of the most important documents of culture from the beginning of 20th century *A correspondence from two corners* by Vyacheslav Ivanov and Mikhail Gershenzon. The small book consisting of mere 12 letters was published by St-Petersburg publishing house *Alkonost* in 1921. It tells about the crisis of humanity, the revaluation of values of European intellectual tradition, the meaning of life and morals. The twentieth century which opened with wars and revolutions put before intellectuals the goal of overcoming the gap between cultural tradition and personal creativity. Both European and Russian thinkers were giving sharp critique of classical culture which, according to them, had the World War as the logical consequence of its development. Ivanov and Gershenzon, despite their very different approaches to the problem of antinomy between personal creativity and freedom on the one hand, and cultural tradition on another hand, agreed on their vision of the problem. For both of them culture was a phenomenon that needs a moral, social, esthetic and religious justification. In the West, it had been Nietzsche who first raised this problem; in Russia, it became one of the central subjects of philosophical debates during the Russian Religious Renaissance at the turn of 19th and 20th centuries. Ivanov's optimistic attitude towards cultural heritage was based on religious belief. Mikhail Gershenzon defended the autonomy of individual creativity against the automatic worship of centuries-old cultural tradition that falsifies life. Gershenzon argued that creative individuality alone could become the solid foundation of any authentic culture in the future. The author proceeds to discuss the nature of friendship between the poet-philosopher and the historian of Russian social thought as well as the evolution of views shared by either of them, and describes the intellectual and social atmosphere around the composition of the *Correspondence*. The article also provides an outline of public disputes which followed after the publication of the *Correspondence*.

Keywords: crisis of culture, humanism, nihilism, religious belief, revaluation of values, morals, Russian Religious Renaissance, revolution, friendship, dialogue

References

Arendt, H. *Ludi v temnie vremena* [Men in Dark Times]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2003. 312 pp. (In Russian)

Famarin, K. "Vyacheslav Ivanov, Mikhail Gershenzon – Perepiska iz dvukh uglov" [Vyacheslav Ivanov, Mikhail Gershenzon – Correspondence from two corners], *Vestnik rabotnikov iskusstv*, 1921, no 10/11, pp. 129–134. (In Russian)

Fédier, F. *Voix de l'ami*. Paris: Editions du Grand Est, 2007. 38 pp.

Florovsky, G. "V mire iskanyi i bluzhdanyi. Znamenatel'nyi spor" [In the world of searches and wanderings. Significant dispute], *Russkaya mysl'*, 1922, no 4, pp. 137–141. (In Russian)

Gershenzon, M. "Pis'ma k L'vu Shestovu (1920–1925)" [Letters to Leo Shestov (1920–1925)], *Minuvshee. Istoricheskii almanakh* [The Past. Historical almanac], vol 6. Moscow; St.Petersburg: Progress-Phenix Publ., 1991, pp. 237–312. (In Russian)

Ivanov, Vyacheslav and Gershenzon, Mikhail. "Perepiska iz dvukh uglov" [Correspondence from two corners], in: M. Gershenzon, *Izbrannoe* [Selected Writings], vol. 4. Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga Publ.; Gersharim Publ., 2000, pp. 22–48. (In Russian)

Ivanov, Vyacheslav. "Pis'mo k Aleksandru Pellegrini o 'Docta Pietas'" [A Letter to Alexandr Pellegrini about 'Docta Pietas'], in: Vyacheslav Ivanov, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 3. Brussels: Foyer oriental chretien, 1979, pp. 434–435. (In Russian)

Ivanov, Vyacheslav. "Pis'mo k Du Bos" [A Letter to Du Bos], in: Vyacheslav Ivanov, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 3. Brussels: Foyer oriental chretien, 1979, pp. 419–433. (In Russian)

Ivanov, Vyacheslav. "Razmyshleniya ob ustanovkakh sovremennogo duha" [Reflections about statements of modern spirit], in: Vyacheslav Ivanov, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 3. Brussels: Foyer oriental chretien, 1979, pp. 453–484. (In Russian)

Khodasevitch, V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works], vol. 4. Moscow: Soglasie Publ., 1997. 744 pp. (In Russian)

Kogan, P. "Perepiska iz dvukh uglov" [Correspondence from two corners], *Pechat' i Revolutsiya*, 1921, no 3, pp. 220–225. (In Russian)

Kuz'min, M. "Mechtateli" [Dreamers], *Zhizn' iskusstva*, 29.07.1921, no 764, p. 4. (In Russian)

Lundberg, E. "K krizisu kul'tury" [Towards crisis of culture], *Nakanune: Literaturnoe prilozhenie*, 11.06.1922, no 7 (62), pp. 9–12. (In Russian)

Proskurina, V. "Vyacheslav Ivanov i Mikhail Gershenzon. Na puti k 'Perepiske iz dvukh uglov'" [Vyacheslav Ivanov and Mikhail Gershenzon: On the way to 'Correspondence from two corners'], *Cahiers du Monde Russe*, 1994, vol. 35, no 1, pp. 377–392. (In Russian)

Sedakova, O. "Evropeiskaya traditsiya druzhby" [European tradition of friendship], in: O. Sedakova, *Chetyre toma* [Four Volumes], vol. 4: Moralia. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 65–81. (In Russian)

Shestov, L. "O vechnoi knige. Pamyati M.Gershenzona" [About the eternal book. In memory of Gershenzon], in: L. Shestov, *Umozrenie I otkrovenie* [Speculation and revelation]. Paris: YMCA-Press Publ., 1964, pp. 13–21. (In Russian)

Shletzher, B. "Russkiy spor o kul'ture" [Russian dispute about culture], *Sovremennye zapiski*, 1922, no 11, pp. 194–203. (In Russian)

Tvetaeva, M. "O perepiske iz dvukh uglov" [About of Correspondence from two corners], *Blagonamerennyi*, 1926, no 11, pp. 3–35. (In Russian)